

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-24-35

МАРКС И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Ананченко А.Б.*Московский педагогический государственный университет
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы создания теории исторического процесса на основе марксизма, ее воздействие на появление социально-политических технологий управления историческим развитием. Автором проведен обзор распространённых в социально-исторических исследованиях метакоцепций истории; гносеологических и мировоззренческих проблем, социально-практической необходимости создания современной теории истории и разработки социальных технологий. Анализ практики социальных технологий показал возможность как разрушительного, так и созидательного потенциала их использования. По итогам исследования автором сделан вывод о необходимости соединения теоретического, нравственного и исторического опыта решения проблем формирования человеческого проекта для справедливого гуманистического будущего.

Ключевые слова: Карл Маркс, марксизм, теория истории, экспериментальная история, историческая наука, социальные технологии, управляемое развитие обществом.

MARX AND THE WORLD HISTORY

A. Ananchenko*Moscow State Pedagogical University
88, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problems of historical experience of creating the theory of historical process on the basis of Marxism, its impact on the appearance of socio-political technologies of historical development management. The author has carried out a review analysis of metaconcepts of history that nowadays are widespread in socio-historical studies, epistemological and ideological problems of the creation of modern theory of history, the social and practical need to create a theory of history and the development of social technologies. The analysis of the historical use of social technologies has shown the possibility of both destructive and creative sides of use. The author concludes that it is necessary to combine theoretical, moral and historical experience of solving problems for forming a humane project of a fair humanistic future.

Key words: Karl Marx, Marxism, theory of history, experimental history, historical science, social technologies, the managed development of society.

В этом году отмечался юбилей Маркса, но у нас это событие прошло почти незаметно. Хотя, как бы не относиться к этому событию, к этому мировоззрению и этому человеку, для нашей страны понимание феномена марксизма особенно

© СС BY Ананченко А.Б., 2018.

значимо, ведь оно существенно связано с важной частью нашей истории.

Что бы ни говорилось о масштабах этого юбилея, можно сказать, что для нашей страны он прошел так, будто это юбилей замечательного физика Нильса Бора, а не Карла Маркса, т.е. юбилей прошел так, что его отметили только профессионалы в своей узкой сфере деятельности, но это не коснулось всего общества. Юбилей экономиста Карла Маркса, как в анекдоте, заметили только экономисты старшего возраста. Для любой другой страны это могло бы быть объяснимо и понятно, но именно там, во многих странах, этот юбилей заметили, и он стал поводом для обсуждения самых важных проблем общественного развития. Для нашей страны такое равнодушие означает отсутствие ясных и открытых объяснений для общества всего, что и почему связано с этим феноменом. И не только с идеями Маркса, но и с нашим историческим опытом, который имеет мировое значение. И с теми ценностями, которые были открыто провозглашены как индивидуальные, так и как общественные нравственные идеалы, принципы и убеждения.

Марксизм – это направление общественной, политической и научной мысли, философское и социальное мировоззрение, которое выступало одним из ориентиров развития человечества во второй половине XIX–XX вв. Идеи Маркса были важны для нашей страны не только в советский период, но и сейчас, ведь марксизм был теорией описания не только капитализма, но и общества, рождающегося из него и после него. Того общества, которое получило название «коммунизм». Если реальный посткапитализм оказался

или оказывается (процесс формирования не завершился) другим, чем представлял себе Маркс, это не значит, что вопросы понимания и прогнозирования посткапиталистической истории уже сняты как с научной, так и политической повестки дня. В том числе и поэтому научный, политический и социально-технологический опыт основателей и последователей марксизма представляет сегодня важный и необходимый элемент для позитивного движения в будущее, для познания того, как мы можем понимать и влиять на настоящее и будущее.

Больше чем сто лет назад, к другой годовщине, к 30-летию со дня смерти Карла Маркса, в 1913 г. В.И. Ленин написал статью «*Три источника и три составных части марксизма*», где прозвучал его знаменитый, как сейчас бы сказали, мем: *Учение Маркса всеильно, потому что оно верно* [2, с. 43]. Вопрос в том, что у нас в 2018 г., в 200-летний юбилей со дня рождения Карла Маркса, есть сегодня из «всеильного» и «верного»? Или только память, да и то не очень хорошая?

Марксизм важен во многих аспектах с точки зрения его идеальных форм существования и с точки зрения социальной практики. Это явление многогранное. Проблем, которые можно обсуждать в связи с марксизмом, множество, мы же коснемся только некоторых. Мой анализ можно свести к двум проблемам:

- *марксизм и создание теории исторического процесса,*
- *марксизм и воздействие на исторический процесс.*

Марксизм попытался сформулировать для понимания истории, как и для изучения других сложных систем,

например, физических, химических или космических, объективные критерии. Вместо субъективной истории событий, субъективных устремлений и желаний марксизм попытался задать для понимания истории в качестве базовых объективно фиксируемые и порожденные социальные процессы, и прежде всего – экономические. Экономическая сфера общества стала одной из таких, которая позволила выделить исторические эпохи, которая имеет объективную логику развития и, как представлялось, в конечном итоге определяет развитие всего общества.

За эти годы, после появления марксизма и существования так называемого реального социализма, в мире утвердилось представление об определяющей роли экономических отношений, экономики в жизни общества. Даже сегодня, отказавшись от марксизма, наши представления о главном в обществе опираются именно на такое превращенное марксистское представление об экономике, как определяющем элементе общественного развития. Именно поэтому считаются наиболее важными для развития темпы роста ВВП, объем ВВП, да и сам этот показатель. Иногда ещё привлекаются дополнительные те или иные экономические признаки и показатели.

Кроме того, что экономические факторы рассматриваются главными в развитии общества, ещё невольно предполагается, что их достаточно, ими можно обойтись, ограничиться – без стратегических целей, ориентиров в развитии, без национальной идеи, без образа социального будущего всего общества.

Надо помнить, что экономика – всего лишь одна из сфер общества, со-

циального организма. Надо помнить, что экономика является очень важной сферой жизни общества, является условием его существования, но не является смыслом жизни общества и не может заменить смыслы и ценности жизни общества и человека, не может заменить то общее устремление, что иногда называется «национальной идеей». Необходимость есть каждый день, необходимость труда, необходимость воспроизводства условий своей жизнедеятельности – являются необходимыми условиями жизни человека и общества. Но физическое воспроизводство себя и своей жизни не являются смыслом жизни ни человека, ни общества.

Собственно говоря, с марксизмом и с его экономическим мировоззрением случилось то же самое, что в начале его существования случилось с коммунизмом и сохраняется до сегодняшнего времени.

Многие, или не очень многие, но те, кто застал ещё Советский Союз, помнят «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, где говорилось, что «*Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма*». Большинство наших людей всегда думали, что именно Маркс и Энгельс причастны к этому самому «призраку» или провозгласили его присутствие. Или второй смысл, который в это часто вкладывался: что существовавшая когда-то буржуазная жизнь была больна коммунизмом и его призрак был признаком зарождения новой жизни, которое и провозгласили основатели марксизма.

Но когда-то в «Манифесте коммунистической партии» именно К. Марксу и Ф. Энгельсу пришлось специально

указывать прямо противоположное: *«Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии»* [5, с. 423]. Кто же говорил и пугал друг друга этим призраком, по мысли Маркса и Энгельса? Это *«папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские»* [5, с. 423]. Этот простой пример служит нам для иллюстрации того, как часто явление и память о нём могут существенно различаться.

Для сегодняшней исторической науки в постмарксистском и постсоветском состоянии существуют принципиальные проблемы и выборы, перед которыми она стоит. Например, разрушение и исчезновение национальных историй в рамках политики глобализации. История превращается из национального самосознания и исторического понимания в набор региональных или повседневных житейских историй из разных времен, обществ и территорий. При всей важности многообразия исторического знания, эти подходы, вытесняя теоретическое, логическое и мировоззренческое понимание истории, становятся способами разрушения понимания именно истории. Регионоведение и повседневность вытесняют и заменяют понимание на развлечение и любопытствующий интерес пустоты.

Использование марксизма в советский период как исторического мировоззрения демонстрирует важность теории истории для формирования целостного образа истории как на уровне всего общества, так и отдельного человека. В этих условиях даже незнание

подробностей отдельных периодов и событий не лишает человека целостного восприятия всей человеческой истории, понимания сущности истории и смыслов человеческой жизни.

Сегодня существует ограниченное количество концепций исторического развития человечества. Они, как правило, достаточно поверхностны, неполны, не развиты, находятся на уровне частных концепций. Среди них содержательно выделяется несколько метаконцепций истории, часто используемых в наших исследованиях: формационная, цивилизационная, модернизационная и геополитическая. Есть и ряд других, но они не получили широкого распространения.

Эти концепции различаются в главном – рассматриваемой ими основе исторического развития, наличии логики истории, направленности истории, характере и границах процесса.

Формационная концепция (основателем которой был К. Маркс) описывает исторический процесс как развитие качественно определенных социальных организмов, сменяющих друг друга в процессе поступательного прогрессивного развития. Предполагается объективная направленность исторического процесса. Определяющим элементом в развитии общества считается совокупность экономических отношений людей на основе производства вещей, способ производства.

Цивилизационная концепция. Рассматривает историю как бесконечный круговорот рождения, развития и смерти культурно-исторических общностей людей – цивилизаций. Определяющим фактором развития цивилизаций считается «цивилизационное ядро» – совокупность духовных цен-

ностей, на основе которых возникла и существует та или иная цивилизация.

Модернизационная концепция. Рассматривает историю как поступательный процесс развития и смены нескольких типов технологического развития общества. Определяющим фактором истории поэтому здесь признается не человек, а технологии. История меряется вокруг одного этапа – модернизационного, как перехода к современности, развивающемуся индустриальному обществу, по отношению к которому все и определяется как «до», или «после».

Геополитическая концепция. Рассматривает человеческую историю как борьбу двух начал, двух типов цивилизаций: сухопутных и морских, промышленных и торговых, коллективистских и индивидуалистических. Географический, пространственный фактор условий существования является в этой концепции определяющим развитие общества [См.: 1, с. 36.].

Сегодня часто другие, не формационные концепции истории рассматриваются как альтернативы формационной теории, способные её заменить, поскольку они иначе рассматривают историю. Проблема в том, что эти концепции – о незаменимом разном. Если продемонстрировать их разницу на образах развития отдельного человека, то можно было бы сказать, что формационная концепция описывает обязательные этапы социального и физического развития любого человека. Цивилизационная концепция описывает, чем конкретно-исторический Иван Иванов отличается в своих желаниях, ценностях и смыслах от Адама Смита. Модернизационная концепция показывает способы социализации

любого человека при переходе от детства к взрослой жизни. А геополитика объясняет, как поведение и действия человека зависят от того, на каком этаже, в каком подъезде, на какой улице, в каком городе, на берегу моря или в лесу он живет. Понятно, что это *о разном* и один анализ не решает тех проблем, которые изучаются, анализируются в другом концептуальном подходе.

Можно констатировать, что марксизм больше всех приблизился к созданию теории единого исторического процесса, к развитой форме теоретического знания о человеческой истории. Здесь не важно, насколько сейчас содержание этого знания может удовлетворить наши современные запросы, вопросы и проблемы понимания истории.

Кстати, снижение уровня понимания исторических, социальных, политических, экономических процессов наблюдается хотя бы в том, что исчезла саморефлексия простейших исходных понятий научного знания, например, таких, как теория, теоретическое знание. Сегодня любое утверждение, и даже не утверждение, а предположение такого утверждения, как правило, сразу называется теорией. Это говорит о том, что разрушились сложные формы отражения человеческой, исторической реальности. Они вытесняются и подменяются нерелексивными образами, эмоциями и оценками.

К. Маркс, опираясь на достижения европейской философской, социологической и исторической мысли второй половины XVIII – первой половины XIX вв., и в первую очередь – осуществленный переход в понимании от кругооборота истории к ее линейному развитию (древняя история,

средневековье, новое время), выработал формационную теорию. В основе теории формаций лежит понимание исторического развития общества как закономерной, объективно обусловленной смены исторически входящих общественно-экономических формаций, то есть таких типов общества, которые отличаются друг от друга, прежде всего, типом или способом экономического функционирования: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и предполагаемой коммунистической формации. Важным для понимания исторической практики последующего является положение К. Маркса о том, что *«общество, если даже оно пало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»* [7, с. 10].

Такое понимание прямо вытекало из признания общества «организмом», только особым, – «социальным» [3, с. 712, 728; 4, с. 20; 8, с. 11, 20–21, 89, 91; 9, с. 228–230].

В то же время выделение некоторых процессов или факторов буржуазного общества как главных при формировании будущего коммунистического общества, порождало два возможных подхода к формированию, рождению этого будущего постбуржуазного общества. Два подхода, которые в российской социал-демократии стали известны под именами политических направлений меньшевизма и большевизма. Меньшевики исходили из естественно-исторического рождения коммунизма из капитализма, как было и до этого в истории. Большевики исходили из того, что рождение нового

общества можно ускорить, а процессами его формирования можно сознательно управлять.

Важно, что исторический опыт большевизма показал, что историческими процессами действительно можно управлять. Больше того, как только начинается управление этими процессами, попытки такого управления, как начинают создаваться субъекты такого управления, так сразу резко сокращается возможность естественно-исторического развития, начинают сужаться его границы. Но такие технологии социального управления могут быть направлены не только на прогресс, не только на развитие человека и общества, но могут быть направлены и на их регресс, на разрушение, на архаизацию. Примером такого разрушительного использования социальных технологий, сознательно направленных на запуск регрессивных технологий развития в обществах, стали так называемые «цветные революции».

Марксизм же исходил из безусловного прогрессивного понимания истории, из гуманистического её понимания, из всеобщности истории человечества и его судьбы. Так же рассматривалась и постбуржуазная эра истории, которая именовалась в этой традиции коммунизмом.

Плохо ли использовать эти социальные технологии вместо естественно-исторических процессов? Надо ли выступать против их использования? Надо ли и можно ли вернуться к естественно-историческому процессу? Ставить такие вопросы можно, но обойтись без социально-политических технологий уже нельзя. Это все равно, как поставить сейчас вопрос об оценке использования ядерных технологий.

Вспомним, как мы узнали про ядерные технологии в 1945 г. из разрушения американскими ядерными бомбами японских городов Хиросима и Нагасаки. Как удалось ограничить возможность использования разрушительных ядерных технологий? Только противопоставив им такие же ядерные технологии разрушения. Но это не остановило нас никак в использовании ядерных технологий в мирных целях. И мы тут же запустили их как для создания ядерной электростанции, так и атомного ледокола «Ленин». А это в свою очередь показывает огромную важность в новую историческую эру, наряду с техническим прогрессом, нравственных ценностей человека и общества. Именно ценности начинают играть определяющую роль как в использовании технологий, так и в траектории социального развития, кем и чем становятся человек и общество.

Можно утверждать, что экспериментальная физика и история приблизились друг к другу как по разрушительным масштабам своего воздействия на социальные организмы, так и по общим математическим количественным и качественным методам моделирования процессов развития сложных систем.

XX век показал возможную созидательную и разрушительную общественную силу и реальные границы социального действия общественных теорий. И Октябрьская революция 1917 года в России, и политическая революция середины 1980-1990-х гг. в России показали, что социальные технологии, основанные на общесоциологических теориях, для общества могут иметь такие же последствия, как физические теории для создания и ис-

пользования ядерного оружия. Применение ядерного оружия (результата деятельности физиков-теоретиков и экспериментаторов) разрушает общество (материально-вещественные его элементы) и приводит к их физическому уничтожению; применение социальных технологий (результат деятельности историков, философов и других гуманитариев) разрушает социальную систему как целое, уничтожает её идеальный элемент системообразования, приводит к исчезновению определенного типа социального организма.

Физика и историка как социальный тип «чистых» ученых сменили сегодня ученые-инженеры, ученые-технологи, ученые-аналитики. Социальные катастрофы из естественно-исторических катаклизмов превратились в сознательно подготавливаемые и осуществляемые «сценарии», «модели» и «эксперименты». «Социальные инженеры» конца XX в. заговорили о «конце истории», о появлении в мировой истории вместо «игры Бога» или естественно-исторической закономерности (кому что ближе) нового субъекта исторического целеполагания и управления.

Элементы управления «историей» стали использоваться не только для увеличения эффективности управления, но и для дезорганизации или изменения направленности движения других государств, т.е. как средство ведения войны.

В XX в. родилось новое направление социальных исследований и практики, которое можно было бы условно назвать «экспериментальной историей». Это направление, представленное многообразием теоретических, практических дисциплин и организаций особенно бурно стало развиваться

после Второй мировой войны в связи с формированием глобальной двухполюсной модели мироустройства. Она предполагала, в свою очередь, сознательные социальные трансформации со стороны сверхдержав на подконтрольных им политически и экономически территориях.

Центры разработки теоретических и прикладных проблем экспериментальной истории возникли, прежде всего, в научных и политических институтах двух сверхцивилизаций – в США и в СССР. В США, например, три лауреата Нобелевской премии создали в Санта-Фе, расположенном неподалеку от ядерного центра в Лос-Аламосе, институт исследования сложных систем, куда ушли многие ведущие физики и математики из центра ядерных исследований, чтобы специально заняться социальными проблемами. Подобные институты есть и в других развитых странах. Возникли такие научные организации и в СССР, есть они и в России, например, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН; Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН) и др.

Не случайно одними из первых сотрудников таких «специальных» центров по изучению общества стали физики, математики и другие представители «точных» наук, традиционно не считавших возможным для себя заниматься социальными проблемами. Это связано, не в последнюю очередь, с тем, что роль социального знания качественно изменилась в этот период, но изменились и возможности изучения социальных систем, использования при этом негуманитарных методов исследования [См.: 1, с. 36–37].

Марксизм в своем историческом опыте создания советского общества впервые начал массово использовать социальные технологии для управления историческими процессами, для управления траекторией и скоростью социальных процессов, для управляемой модернизации общества. Важным элементом большевистского использования социальных технологий было то, что они исходили из гуманистических ценностей, целей истории и советского государства.

Историческими особенностями большевистской попытки перехода к постбуржуазному обществу было то, что они его осуществляли в условиях ещё не появившегося в России, не победившего капиталистического общества. Практика исторического эксперимента большевиков состояла в том, что они пытались выйти в коммунизм из доиндустриального общества. Какие средства могли быть использованы для этого, какие могли быть созданы? Какие средства мотивации труда могли быть использованы из экономических, внеэкономических и духовных?

Марксизм был концептуальной (теоретической) основой понимания развития для советского государства. Проблема именно не в идеологии, а в понимании содержания и направленности исторического развития. Есть ли сегодня понимание исторического процесса, которое пусть иначе, но даёт видение или понимание содержания этапа, эпохи, направления развития исторического процесса?

Когда-то К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Немецкой идеологии»:

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразо-

ваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние*» [6, с. 34].

Для них коммунизм – это посткапиталистическое общество, приходящее на смену капитализму, на его основе и из него. Именно поэтому коммунизмом они называли не общество, состоящее с некими принципами, а общество, возникающее из и после капитализма. Таким образом, теории постиндустриального общества не являются по сути противниками марксизма. И те, и другие в разные исторические эпохи пытались его понять и описать, по-разному называя, но не ставя под сомнение саму неизбежность его появления и победы.

Отсутствие развитой концепции истории – проблема не только понимания истории, но и проблема государственной политики России. Но и этого мало. Это проблема не только понимания целей политики, самосознания общества, но и возможности самого исторического существования России уже в исторически обозримом настоящем, проблема выбора исторического пути развития.

Если бы вопрос о всемирной истории был чисто научным вопросом, как и оценка марксистской концепции всемирной истории, то мы рассматривали и обсуждали бы это с точки зрения «старших экономистов» по отношению к экономисту Марксу. Это имело бы частный и прежде всего профессиональный характер и интерес. А мы бы имели преимущество проживших дольше и переживших некие исторические процессы и этапы, которые не видел сам Маркс (как статуэтка обезьяны с черепом человека в руках на

столе Ленина, *демонстрирующая эволюционную теорию и тезис о том, что развитый этап – ключ к пониманию всех предшествующих*).

Сегодня есть целый набор научных теоретических проблем, которые должны быть в той или иной форме решены для создания современной теории истории, позволяющей не только с пониманием изучать прошлое, но и понимать настоящее, осознать нашу возможную траекторию восхождения к будущему.

Один из главных гносеологических вопросов создания теории истории состоит в том: *возможно ли создание законченной теории незаконченного и «уникального» (для его участников и исследователей) процесса.*

Некоторые **мировоззренческие проблемы** создания теории истории:

– является ли социальная форма движения материи **высшей** формой развития материи;

– является ли социальная форма движения материи **конечной** и преходящей;

– является ли социальная форма движения материи **ступенью** к сверхсоциальной форме движения материи;

– является ли социальная форма движения материи **уникальной** или это закономерная всеобщая форма развития живого;

– появится и сохранится ли **единство** человечества.

Прогнозирование социального развития мира и государства становятся важнейшими элементами национальной безопасности в начавшийся период управляемого исторического развития. Такое *прогнозирование невозможно ни на какой самой точной эмпирической базе при отсутствии*

глобальной теории (концепции) истории. Такая же теория не может быть результатом только эмпирических обобщений любого уровня [См.: 1, с. 36.]

В журнале «Коммунист» № 3 за 1983 г. была опубликована статья генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Статья была посвящена 100-летней годовщине смерти Карла Маркса и начиналась она такими словами:

«Минуло сто лет со дня, когда ушел из жизни человек по имени Карл Маркс. Целый век. Век драматических потрясений, революционных бурь, коренных перемен в судьбах человечества. Век, опрокинувший, разметавший множество философских концепций, социальных теорий, политических доктрин. И век следующих одна за другой побед марксизма, его возрастающего воздействия на общественное развитие.

Чем дальше движется время, тем яснее становятся смысл и масштабы жизненного подвига Маркса» [1, с. 231].

Годовщина смерти Маркса отмечалась статьей руководителя советского государства и коммунистической партии. Это говорит и о масштабе события, и о его важности как для коммунистического движения, так и для

советского государства, его идеологии, для социальных наук, для мировоззрения людей. 200-летие со дня рождения Карла Маркса, спустя всего 35 лет от мировой годовщины его смерти, поражает принципиально изменившимся отношением к юбилюру, моментально наступившим беспамятством. Такое впечатление, что вместо традиционных социально-культурных механизмов исторической памяти в обществе за это время сложились другие технологии управления содержанием общественного сознания.

Может быть, в этом есть определённая символика и определённый смысл, что годовщину смерти Маркса заметили во всём мире, а годовщину рождения – только специалисты. Может быть, сейчас, как и при рождении вообще, есть надежда. Есть надежда, что это незаметное событие может стать началом другого пути, соединяющего опыт, исторический путь, достижения и проблемы классического марксизма, его теоретического, нравственного и исторического опыта и решения проблем новой эпохи, эпохи формирования альтернативного несвободе и эксплуатации человеческого проекта справедливого гуманистического будущего.

Статья поступила в редакцию 01.08.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананченко А.Б. История как проблема // Информационные войны. 2009. №1 (9). С. 34–42.
2. Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 231–249.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. С. 40–48.
4. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 12. С. 709–738.

5. Маркс К. К критике политической экономии, 1859 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 13. С. 1–167.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 419–459.
7. Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7–544.
8. Маркс К. Предисловие к первому изданию, 1867 г. // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М., 1983. С. 5–11.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1, 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. С. 45–784.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права, 1843 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 219–368.

REFERENCES

1. Ananchenko A.B. [History as a problem]. In: *Informatsionnye voiny*, 2009, no. 1 (9), pp. 34–42.
2. Andropov Yu.V. Uchenie Karla Marksa i nekotorye voprosy sotsialisticheskogo stroitel'stva v SSSR [Karl Marx's doctrine and some issues of socialist construction in the USSR]. In: *Andropov Yu. V. Izbrannye rechi i stat'i* [Y.V. Andropov, Selected speeches and articles, 2nd ed.]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 231–249.
3. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works. 5-th ed.]. Vol. 23, pp. 40–48.
4. Marks K. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisei 1857–1858 godov) [Introduction (From the economic manuscripts of 1857–1858)]. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* 2-e izd. [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 12, pp. 709–738.
5. Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii, 1859 g. [Critique of political economy, 1859]. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 13, pp. 1–167.
6. Marks K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoi partii [The Communist Manifesto] In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 4, pp. 419–459.
7. Marks K. Nemetskaya ideologiya [The German ideology]. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 3, pp. 7–544.
8. Marks K. Predislovie k pervomu izdaniyu, 1867 g. [The Preface to the first edition, 1867]. In: *Marks K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1. Kn. 1. Protsess proizvodstva kapitala* [Marx K. Capital. Critique of political economy. Vol. 1. Book 1. The process of production of the capital]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 5–11.
9. Marks K., Kapital. T. 1, 1867 g. Marks K., Engel's F. Sobr. soch. 2-e izd. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 23, pp. 45–784.
10. Marks K. K kritike gegelevskoi filosofii prava, 1843 g. [On the critique of Hegel's philosophy of law]. In: *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works, 2-d ed.]. Vol. 1, pp. 219–368.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета;
e-mail: ab.ananchenko@mpgu.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey B. Ananchenko – Candidate of Historical Sciences, head of the Department of Modern National History, Director of the Institute of History and politics of Moscow State Pedagogical University;
e-mail: ab.ananchenko@mpgu.edu

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ананченко А.Б. Маркс и всемирная история // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-24-35

FOR CITATION

Ananchenko A. Marx and world history. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-24-35